

ОБМАНЧИВЫЙ ПУТЬ

© 2018 г. В. Шейнис

ШЕЙНИС Виктор Леонидович, доктор экономических наук, профессор,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sheynis31@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 24.01.2018.

С окончания “русского XX века” – выхода России из коммунистического строя прошло время, достаточно продолжительное для осмысления и споров, как выглядели точки невозврата на пройденном пути и к какому экономическому и общественному порядку она сейчас пришла. Выходят книги, появляются статьи в серьезной периодике, проводятся круглые столы. Сталкиваются разные мнения. Происходит переоценка взглядов и ценностей. Для многих пишущих и говорящих эти десятилетия – свое, близкое, большое, пережитое. Одна из последних вышедших книг – совместный труд трех известных петербургских ученых, сотрудников питерского Европейского университета, заслуженного научного центра. Авторы книги – Дмитрий Травин, Владимир Гельман и Андрей Заостровцев представили глубокий и оригинальный анализ проблем, возникавших и нерешенных на пройденном пути, и сам путь, не укладывающийся в концепцию заключительной стадии мирового транзита к рынку и демократии. Их взгляды и выводы перекликаются с классикой – суждениями других выдающихся ученых и участников событий: Александра Яковлева, Григория Явлинского, Юрия Пивоварова, Анатолия Вишневского, Михаила Гелфтера и других. В данной статье представлена перекличка исследователей по открытым проблемам незавершенного пока пути современной России. Это, в частности, элементы пути, на котором осуществлялись преобразования: *идеи, интересы, институты, иллюзии*. Главный исторический вираж на этом пути – разворот от коммунистического режима к новому авторитаризму; принципиальное различие между *policy* и *politics*, исчезающее в русском переводе; политико-экономический феномен *властесобственности*; коллизия между европейским путем развития и мифологемой “евразийского пути” и др. Заключительный сюжет – неочевидные перспективы завтрашнего дня: исчерпание ресурсов неоформленного социального контракта между властью и населением; угроза реставрационного процесса – тупик в развитии; ограниченные социальные и политические возможности возврата на путь реформ; опасности “неостановленной революции” – развал хозяйственной системы, широкомасштабный кризис государства и общества и т.д.

Ключевые слова: Исторический путь России, Европейский путь, авторитаризм ради прогресса, агрессивный застойный авторитаризм, властесобственность, триада (реформа, революция, реставрация), *policy vs. politics*, Европейский университет в СПб.

DOI:10.20542/0131-2227-2018-62-6-56-66

Три с лишним десятилетия, прошедшие с конца коммунистического режима в России, – немалое время. За такой же срок в Европе после антиабсолютистских революций произошли принципиальные перемены: мы застаем изменившуюся Англию, другую Францию, иную Германию. Они не решили все проблемы своих революций, но вышли на другой исторический путь. Не то в России. Произошедшие с тех пор события теснят друг друга. Но пройденный путь сейчас выглядит совсем не так, как он виделся участникам событий. По горячим следам начавшихся перемен их протагонисты полагали, что в истории России происходит крутой перелом, революция. С тех пор многие из них изменили не только оценки свершившегося, но и убеждения. Преобладает более сдержанное и более критическое отношение к произошедшему историческому развороту. Авторы

недавно вышедшей книги (“*Российский путь: идеи, интересы, институты, иллюзии*”) – Дмитрий Травин, Владимир Гельман и Андрей Заостровцев представляют выдающийся российский научный и образовательный центр в Санкт-Петербурге¹. В его издательстве вышла эта книга, как и ряд других публикаций,

¹ Следует отметить, что научные позиции этого университета, лишенного ныне образовательной лицензии, получили недавно энергичную поддержку на страницах “Независимой газеты” – ее приложения “НГ Сценарии” (23.01.2018), обращенного к значительно более широкой аудитории, чем тиражи научных изданий.

В представленной книге в своеобразном ракурсе обобщены последние по времени сдвиги в социально-экономических и политических процессах в России. Поэтому и высказанные в ней соображения я избираю своего рода точками отсчета в данной статье. Ссылки на книгу даются в скобках в тексте с указанием страниц.

получивших высокую оценку специалистов [1]. Со смотровой площадки сегодняшнего дня они осторожно формулируют свою позицию: совершается “сложный комплекс процессов, включающих как продвижение вперед, так и временный откат назад” [1, с. 4, 8]. Временный? – Это вопрос, думаю, главный. А если и так, чем было и чем может завершиться наше время? О том дальше и пойдет речь.

“НИКТО ПУТИ ПРОЙДЕННОГО У НАС НЕ ОТБЕРЕТ”

Путь, о котором написано многими и много, начался с назначения на главный партийно-государственный пост Михаила Горбачева и поданных им сигналов о перестройке. В сложном комплексе последовавших затем преобразований авторы книги выделили главные их компоненты, все названия которых по игре случая начинаются с буквы *И*. “*Пять И*” – это *Идеи, Институты, Исторический путь России, Интересы и Иллюзии*. Вступим и мы за ними на пройденный путь.

Идеи. В обращавшихся в позднесоветском обществе идеях авторы выделили четыре основных блока. Но совокупность взглядов, с которыми страна подошла к выходу из коммунизма, была более мозаичной и не слишком устойчивой. Мой друг Анатолий Соснин, драматург и систематизатор по призванию, на основе пристального изучения советской печати еще в 70-х годах выделил 6–8 более или менее определившихся идейных течений. В их ряду особое его внимание привлекало *технократическое* – в умах негуманитарной интеллигенции. Киевский акад. В. М. Глушков, известный публикациями на злобу дня, писал: пусть цели определяет партийное руководство, а средства их достижения – наша забота. В годы перестройки это направление было востребовано, его представители были приглашены в различные подразделения власти. Но цели преобразований мало кто из лидеров партии и государства мог толком изложить и защитить.

Рядом с доктринальной идеологией, для продвижения которой содержался большой и дорогостоящий аппарат, постепенно набирали силу различные ревизионистские концепции. Довольно радикальные соображения партийных реформаторов доводились подчас до верхних этажей официальных инстанций. Выдающимся явлением в этом ряду стали предложения о перестройке всей системы власти, содержащиеся в “Записке” директора ИМЭМО АН СССР Александра Яковлева, переданной Горбачеву в декабре 1985 г.² В том

² В исходном виде *Записка* “Императив политического развития” была опубликована в серии книг “Россия. XX век”

же году Яковлев был приглашен на ответственный пост в ЦК КПСС, в 1986 г. он стал секретарем ЦК, а в 1987 – членом Политбюро и ведущим идеологом перестройки.

Интересы и их трансформация, образование, расширение и коррекция *групп интересов* по мере продвижения реформ – знамение времени. Но рядом с экономическими возникали (и нередко противоречили им) иные, в особенности политические интересы. Сталкиваясь и переплетаясь, те и другие ложились в основу немногих, но широких коалиций, состязание между которыми определяло главные повороты в социальном развитии. Если бы в этих столкновениях мог пробиться взвешенный общественный интерес!

Обращаясь к *историческому пути России* и его влиянию на постсоветскую трансформацию, авторы значительно расширяют хронологические рамки своего исследования. Точкой отправления избрано знаменитое Лиссабонское землетрясение 1755 г., вслед за которым в сознании европейцев стала рассыпаться прежняя, по-своему рациональная картина мира. На смену абсолютизму шли – локально и неспешно – капитализм и цензовый политический режим. Но Россия к ключевым реформам подошла лишь в начале XVIII в. и провела их по-своему, то есть по воле царя. Они повлекли за собой глубоко противоречивые последствия: открыли даже не окно, а дверь в Европу, но вместе с тем – закрепили абсолютистско-крепостнический строй. Когда в 1814–1815 г. съехавшиеся в Вену европейские монархи стали восстанавливать границы и режимы, порушенные в годы наполеоновских войн, российский император, не чуждый вначале либеральных поползновений, на беду своей стране да и другим государствам по праву занял почетное место в этом собрании реставраторов – победителей при Ватерлоо, которое, по словам Герцена, отбросило Европу на полвека назад.

А через полвека Россия уже отставала, как писал В. Ключевский, от мира (то есть от европейского календаря. – **В.Ш.**) на сутки³. Она, правда, не была,

[2, сс. 28–38]. В обширных извлечениях она публиковалась в ряде других произведений автора [3]. В начале перестройки, пишет автор, печатать это “было еще невозможно, хотя отдельные из этих непричесанных тезисов обговаривались с Горбачевым и находили понимание, обсуждались с близкими друзьями... Реакция Горбачева была спокойной, заинтересованной. Но он посчитал эти идеи преждевременными” [3, с. 242, 250]. Если бы так!

³ “Народные силы, – утверждал Ключевский, – в своем развитии отставали от задач, ставившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста, духовная работа народа не поспевала за материальной деятельностью государства” [4, с. 12].

подобно Османской империи, “больным человеком” в Европе. В чем-то догоняла мир, в особенности после Великих реформ Александра II. Но все же ее отставание от передовых стран проявлялось довольно заметно. Позже, несмотря на технологический и социальный рывок в советские годы, оно было обозначено как застревание в исторической колее⁴.

Неизбежно встают вопросы. Почему Россия так и не смогла преодолеть разрыв — догнать Запад? Увеличивались или уменьшались в начале XX в. глубина и диапазон отставания? Как с этим обстояло дело, когда начался выход из коммунизма? Все эти вопросы остро дискуссионны. Всплывавшая была дискуссия о “колее” интересно было бы продолжить, отталкиваясь от того, что сказано в книге петербургских ученых. Но эта тема выходит за границы заявленной хронологии и требует специального разговора. Не зря из книги выпал отдельный анализ среднего, промежуточного “И”. (Исторический путь России).

Центральное место среди причин неуспеха начатых было в России преобразований принадлежало *институтам*. Конкретнее — *незаинтересованность* тех групп интересов, которые в социально-политических схватках конца XX в. обрели решающее влияние в утверждении главного, профилирующего института — *неприкосновенности частной собственности*. Важные институты: основы конституционного строя, права и свободы человека как высшая ценность, разделение властей, светское государство, идеологическое многообразие и отказ от государственной идеологии, федерализм, приоритет общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров — были провозглашены или во всяком случае законодательно оформлены. Но все эти замечательные вещи и многие другие, однако, остались, как справедливо показано, в существенной мере декларативными. И далеко не только для развития экономики (на что сделан упор в исследовании) — коль скоро бизнес оказался подмят структурами посткоммунистического государства, социальные связи включены в систему личной власти и государственного патернализма, а общество без серьезных возражений приняло нарушение

⁴Ни одна “либерализация” в России не привела к долговременному общепризнанному успеху общества и государства; каждый раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоев населения вплоть до бунтов и терроризма, сепаратистских движений в провинциях, что в скором времени приводило к “авторитарному откату” — восстановлению власти консервативных политических сил (прежних или новых), к такому выводу приходит в своем капитальном исследовании Н. С. Розов [5, сс. 144–145].

неприкосновенности и независимости частной собственности.

На первый взгляд может показаться парадоксальным утверждение, что в России с экономической точки зрения утвердилась система институтов неэффективная, но рациональная. Однако это так и было. К тому вело не столь уж редкое в истории совпадение объективных условий и субъективных устремлений групп меньшинства. Страна пришла к этому не по ошибке команд, которые сменяли друг друга у власти. Шаг за шагом эти группы сначала утвердили свою доминантную роль в обществе, а затем обустроили завоеванные позиции. Но это только половина дела. Чтобы обеспечить социальную стабильность, необходимо было, чтобы более широкие массы вообразили — верно или ошибочно — что эти интересы (например, сила и величие государства) совпадают с их собственными. Большинство в силу подробно описанных в книге причин оказалось неспособно сначала понять роль института частной собственности для развития в условиях рынка, а затем защитить его. Верно, что “в России в пореформенные годы сложились представления о собственности, которые не благоприятствуют развитию страны, но благоприятствуют максимизации частных выгод отдельных привилегированных групп. И это является следствием не только процесса приватизации, но совокупным результатом всего хода преобразований в стране” [1, с. 95].

В том незаменима была роль *социальных иллюзий большинства*. От идей, иногда здравых, пришли к иллюзиям. Подчеркну, что иллюзорным становилось большинство идей, с которыми страна вступала в процесс перемен. Но вера в иллюзии всегда была велика в России (как, впрочем, и во многих других странах). Правда, массовые иллюзии — часто скоропортящийся товар. Чтобы они выполняли свою роль, соответствующие инъекции должны быть, во-первых, постоянными, а во-вторых, они должны меняться или по крайней мере подвергаться заметным обновлениям. Таким был, например, в советское время переход от мифологии мировой революции к уверенности в превосходстве собственной общественной системы и ее ничуть не менее мифической победе в соревновании с Западом. Подобные превращения — зарубка на память. Так происходит и сегодня, когда иллюзии концентрируются на фигуре президента. Так же, вероятно, будет в том или ином виде и впредь.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВИРАЖ

Так в общем представлен путь, пройденный в постсоветское время. Известен его итог на сегодняшний день: Россия вернулась к авторитарному

режиму. И теперь в отличие от послесталинского периода в отчетливо выраженном персоналистском варианте. Когда, как и почему это произошло?

Силам, сменявшим друг друга у власти в 90-х годах, часто вменяют в вину то, что они, сделав упор на экономические реформы, не уделяли должного внимания развитию демократических институтов и не разъяснили народу, что переход через “долину слез” неизбежен. Можно только уменьшить его продолжительность и потери. Позиция петербургских авторов в этом вопросе излагается не вполне определенно. Они утверждают, с одной стороны, что если рассматривать модернизацию в свете “тройного перехода”: демократизация, рыночная экономика и строительство современных национальных государств, то посткоммунистические преобразования в России привели в лучшем случае к “смешанным результатам”. С другой — “непреднамеренные и нежелательные последствия” модернизации здесь были заданы институциональными основаниями экономического и политического развития [1, сс. 129-130]. На мой взгляд, противоречивым было развитие не между “аренами” указанной триады, а внутри каждой из них и только в начале переходного периода, то есть примерно до середины 90-х годов. В десятилетия же XXI в. никаких “смешанных результатов” не было. И политическое, и экономическое, и национально-государственное развитие протекали параллельно и достаточно однонаправленно. Различались противоречивый, турбулентный процесс с не сразу обозначившимся исходом вначале и четко ориентированный курс последующего периода (по времени их разделяет не жесткая грань, а переходная полоса).

Позицию авторов следует сопоставить с концепцией *периферийного авторитаризма* Григория Явлинского. Главную разделительную линию в современном мире он проводит между “авторитаризмом ради прогресса”, который утверждает закон и порядок, включает конкурентное начало и решает в ряде стран важные задачи модернизации (добро бы хоть так в России!), и авторитаризмом консервативно-охранительным, демодернизационным, закрепляющим застойные общественные и государственные структуры [6, сс. 29-45]. С этой точки зрения, перед Россией, как и перед многими другими странами, нагруженными тяжелыми рецидивами продолжительного исторического пути, стоял выбор *не* между демократией и авторитаризмом, а между разными типами авторитаризма. *В реальности*, а не в красивой мечте. Для стран, в которых транзит начинался с низкого уровня

демократии, демократизация была менее важна, чем утверждение закона и порядка. Такова позиция Явлинского.

Мне представляется, правда, что выбор изначально был не столь однозначен, и определенные предпосылки для усвоения, а затем и утверждения некоторых демократических норм в России существовали (согласюсь, не слишком развитые). Но содержательное обсуждение этого вопроса становится возможным, если мы согласимся, что в режиме позднего Горбачева и раннего Ельцина присутствовали некоторые потенции развития по пути демократии. Посмотрим теперь, как этот вопрос решают петербургские авторы посредством институционального анализа.

Результат постсоветского развития в России, утверждают они, — “кумовской капитализм (*crony capitalism*)” и “недостойное управление (*bad governance*)”. С этим можно согласиться (я избрал бы только другой перевод: капитализм тесных партнеров и управление — скверное или плохое, но это частность). Но максимизация ренты в экономике и власти в политике — *рациональная цель*. Поскольку извлечение ренты — основное содержание управления государством на всех уровнях, а механизм власти тяготеет к иерархической модели при монополии государственного управления. Задаваясь вопросом, почему плохое управление непреодолимо, петербургские авторы перебирают элементы институционального устройства: структуру власти, сопротивление властных соискателей ренты, влияние национального прошлого на существующие институты, состав и конфигурацию элит, личностный компонент (“на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго” [1, с. 140] — и приходят к заключению, что процессы модернизации сдерживаются институциональными факторами.

Вслед за тем проблема рассматривается более предметно. В английском языке, в отличие от русского, слово политика употребляется в разных значениях: *politics* — соревнование в борьбе за власть, за общий курс, *policy* — деятельность сил, властью располагающих. Различия между ними важны и сводятся к вопросу: возможно ли было в России провести рациональные технократические реформы, не посягая на власть как таковую? Детальный анализ приводит к заключению, что такие возможности были предельно ограничены. Примеров того, как призванные к проведению реформ технократы сочиняют свои проекты и пытаются их провести в жизнь — множество. В России они продолжают и поныне. Но такие попытки неустойчивы и ненадежны. Более того, такого рода попытки

преобразования (*policy*) при существующей власти (*politics*) нередко приводили к движению вспять, к контрреформам. Характерный пример – ползучая национализация ранее приватизированных (а также изначально частных) активов в нулевые годы сводит на нет результаты прежде осуществлявшейся приватизации (к осени 2016 г. в руках государства было сосредоточено около 70% всех активов в стране). И в глазах населения этот откат представлял более легитимным и общественно полезным, чем прежняя приватизация. Вывод убийственен: технократическое лекарство оказалось хуже болезни [1, сс. 168, 170-171, 187, 192]. Из этого следует, что реформы в сфере *policy* без смены власти не меняют основания действующего режима. Но на вопрос: как и почему такой режим утвердился, то есть, почему и окончательно ли в пределах данного исторического цикла вопрос о власти (сфера *politics*) был решен известным образом – институциональный анализ не отвечает.

В 1917 г. в России произошла революция, не решившая задачи, которые ей предписывала либерально-демократическая концепция. Переход к демократии, правовому государству и федеративному национально-территориальному устройству не состоялся. Гарантии частной собственности не были заложены, напротив – ликвидировалось то, что уже успешно развивалось до революции. Были вытоптаны ростки гражданского общества, прораставшие при царизме. Присущи ли были той революции указанные задачи объективно – вопрос дискуссионный. Но не подлежит сомнению, что вслед за Октябрьским переворотом Россия совершила величайший вираж, предопределивший все ее развитие в XX в. Прогресс и регресс на длительный срок поменялись местами.

Когда в процессе горбачевской перестройки стали напирать одно на другое события, обещавшие решительный разрыв с советским историческим *почти-веком* (образ Солженицына: XX век Россия потеряла), могло казаться, что приближается перелом, по значению и глубине равнозначный тому, что случилось со страной в начале века. *Перестройка – революция*, говорил Горбачев. И это соответствовало и высокому рангу, на который революция была возведена в общественном сознании, и ожиданиям социального актива, и целям, которые стали выкристаллизовываться с началом перемен. Принимая во внимание то, к чему пришла страна ныне, революционная суть перестройки не кажется очевидной. Но независимо от того, какой статус закрепить за переломным разворотом конца XX века в СССР/России, очевидно, что переход от коммунистического тоталитарного

режима, не сумевшего пережить *свой общий кризис* (вот где может пригодиться мифологическое понимание марксистами “общего кризиса капитализма”), не был плавным. Наступил “перерыв постепенности”, который имел свои восходящую и нисходящую стадии. Держатели власти несколько раз менялись. Не всегда персонально, но разными были задачи, в решении которых они видели свою миссию. Менялся и состав противостоявших друг другу коалиций. Меняли свою политическую ориентацию и принадлежность многие действовавшие лидеры. В высшей степени показательна была политическая деградация демократов и реформаторов, да и их социальной базы. Если в стране в годы перестройки и постперестройки и произошла революция, то теперь наступал черед *реставрации* существенных элементов прежнего режима.

АРКАН ВЛАСТЕСОБСТВЕННОСТИ

О феномене слияния власти и собственности в России и иных, преимущественно незападных странах, написано много и по-разному. С оригинальным историческим анализом эволюции властесобственности в России – кажется, последним по времени – выступил в своей недавней большой работе академик Юрий Пивоваров. Автор разворачивает перед читателем три исторически сменявшиеся формы властесобственности в нашей стране: самодержавная, коммунистическая и современная. В мою задачу здесь не входит пересказ этого очень емкого анализа – читатель может это сделать самостоятельно. К нашей теме прямое отношение имеют *ограничители и перспективы* феномена властесобственности на каждом из трех этапов в интерпретации Пивоварова.

В предреволюционной России (после 1906 г.) уже ни самого самодержавия, ни самодержавной властесобственности не существовало, а если они и были, то в весьма ослабленном, уходящем виде. Главным для них ограничителем было общество – “довольно развитое, дифференцированное, с множеством действующих лиц”. Главным, но не единственным. Другие ограничители – религиозные и культурные традиции и “весьма качественная профессиональная подготовка” сформировавшегося типа властителей: “профессионал, как правило, рационален и умеет просчитывать будущее”.

Формула большевиков – общенародная собственность. «То есть все принадлежит народу. Конечно, на самом деле все принадлежало номенклатуре. Но это “все” было в высшей степени ограничено. По наследству не передашь, пользоваться можно тайно. В целом – не твое. Или:

твое – временно, твоё – неофициально...» В 50–80-е годы был создан многочисленный советский средний класс, который стал претендовать на большую долю в социальном пироге, на больший доступ к информации и т.д. (“большевики недооценили гедонистическое начало в человеке”). Массовый подъем русского общества, либеральный по характеру, “смел коммунистическую властесобственность”. Суждение, как мне кажется, преувеличенное, но тенденция верна.

Наконец, современная форма. Она тоже наталкивается на ограничители: гедонистически-потребительскую ориентацию нынешних властителей, которые тоже стали собственниками в особо крупных размерах, но не частными собственниками в классическом смысле. Кроме того, этот феномен абсолютно не нуждается в подавляющем большинстве населения. Формируется высшая форма «властесобственности – без ограничителей. Но современная “чистая” и без всяких ограничителей властесобственность не сможет долго существовать». Каким-то, пока неведомым образом она должна будет меняться. Пивоваров перспективу оставляет открытой. Мне кажется, что на это заключение автора повлияло ожидание перемен, еще сильное в то время, когда писалась книга [7, сс. 166–172]. Но – бог весть...

В критике преобразований, проведенных в России в 90-е годы, нередко отмечается, что усилия власти были сосредоточены *на ускоренном* проведении реформ, как они были ею задуманы и осуществлялись, а не на создании сбалансированной политической системы. Инструментальные ценности преобладали над терминальными. Главным призом в острой борьбе, расколовшей общество, был пост президента. Поэтому реформаторы и их эшелоны поддержки спешили укрепить тот институт, которым им удалось завладеть. Справедливости ради надо сказать, что если бы этой сильной позицией завладели их противники, они поступили бы точно так же. Преувеличенные, по-видимому, надежды реформаторы возлагали и на скорейшую приватизацию государственной собственности, в сохранении которой видели главную угрозу коммунистического рванша.

Механизмам властесобственности, уже возродившимся в современной России, немалое внимание уделяют и петербургские авторы. Точка отправления их анализа – функции теневого налогообложения, которое обеспечивает лояльность разросшейся бюрократии постсоветскому государству, распространяет “систему страха” на всех причастных к кормлению из административной ренты и блокирует поползновения частного бизнеса

к обретению самостоятельности [1, сс. 262–263]. Но механизм господства государства над обществом, в котором объединены политическая и экономическая власть, опирается не только на налогообложение и административную ренту. Он вездесущ и многогранен.

Авторы справедливо отмечают, что властесобственность предполагает *восстановление* после перерыва системы принципал-агентских отношений между государством и всем населением. Контроль над бизнесом – только часть этой системы, хотя и важнейшая [1, с. 259]. В феномене властесобственности ведущую роль они отводят государству, легальному и нелегальному насилию. Инструментами насилия монополично владеет государство, прибегающее к репрессиям сверх всякой меры. Это очень важный аспект проблемы. Государство и бизнес – не партнеры, хотя бы и обладающие неравными правами. Во-первых, потому что высокопоставленный государственный функционер – сам непосредственный распорядитель и пользователь крупных экономических активов. Во-вторых, потому что функции собственности, встроенные в государственные иерархические отношения господства и подчинения, являются их неотъемлемой частью. В-третьих, потому что вся номинально частная собственность в России беззащитна перед лицом административного произвола. Для верховенства права места не остается [1, сс. 268–269].

Следует особо отметить, что экспансия властесобственности в формах, аналогичных российским, теперь разворачивается и за границами нашей страны. Нечто подобное можно наблюдать в странах Восточной Европы, где вопреки ожиданиям происходит реставрация авторитарных режимов. Особенно показателен пример Венгрии. Здесь после утверждения у власти верхушки партии ФИДЕС возникло, как это обстоятельно описано в книге венгерского ученого Балинта Мадьяра, мафиозное государство. Это “*приватизированная форма паразитического государства, экономический бизнес приемной политической семьи, который ведется средствами публичной власти*”. Поразительно: Венгрия, которая прошла антикоммунистическую национальную революцию в 1956 г., а после того шла в авангарде стран, где происходило разложение коммунистического режима, – теперь посредством парламентских процедур на свободных выборах отдала власть антидемократической партии и ее лидеру – “крестному отцу”, который “вершит суд и наделяет долей прав своих домочадцев и свою нацию в соответствии со статусом и заслугами каждого” [8, сс. 82–83]. И происходит это не на далекой периферии, а внутри Европейского

союза! Болезнь, стало быть, заразительна и эпидемия опасна.

СТАТЬ ЕВРОПОЙ?

Стать Европой! — так в годы перестройки стала вырисовываться обобщенная цель начатых преобразований. Цель была двоякой. Во-первых положить конец конфронтации с Западом, покончить с национально-имперским изоляционизмом и ввести страну в сообщество демократических государств. Во-вторых, осознав, что подлинная проблема России не в отсталости, а в необходимости, но неспособности воспользоваться известными рычагами, которые применяли некоторые другие страны. Обращаясь к ним, не одна страна в XX в. отсталость преодолевала и смогла вернуться на магистраль современной, то есть европейской (не в географическом, а в социально-историческом смысле) цивилизации⁵. Дискуссия об историческом пути России периодически возобновляется. Сейчас мифологемы “особого пути”, “евразийской цивилизации” и т.п. обрели как бы второе дыхание. Они вошли в официоз, где евразийские фантазии всерьез противопоставляются европейской ориентации. Немало нашлось среди историков, литераторов, журналистов охотников порассуждать о русской цивилизации, об исключительных достоинствах национальных традиций.

Нет нужды оспаривать здесь геополитические и культурологические фантазии, которые к науке отношения не имеют. Сказать здесь важно о другом. К началу нового века стало очевидным, что Россия должна определить ориентацию в стремительно меняющемся и уже изменившемся мире. Европейский путь остается императивом для России, если она не готова выпасть в осадок общемировых процессов, занять место в клубе “навсегда отставших” государств (пусть не навсегда — такой приговор, наверное, слишком фатален — но надолго выключенных из мировой истории). Нимало не пересматривая социально-исторический вектор развития как цель и путь, не пора ли задаться вопросом: к какой Европе желает приобщиться Россия? Не посягая на лавры Жюль Верна, Уэллса, Бредбери и других великих фантастов, не следует ли задуматься о вероятном облике Европы (точнее — “европейского человечества”) через четверть, половину века или целый век? Ведь многое из того, что могло казаться ясным в прошлом, ныне стало проблемным.

⁵ Одним из первых, кто в таком виде сформулировал эту цель, был известный историк и публицист, непреходящий участник развернувшихся дискуссий Леонид Баткин [9].

Почти полвека тому назад выдающийся историк и философ Михаил Гелфтер выдвинул концепцию *Мира миров* [10, сс. 451-459]. Она не стала ныне менее актуальной. Хотя “неевропейские” миры во многом — от костюмов до вооружений — шли по пути модернизации и даже вестернизации, они оставались во многом своеобразными сообществами. Как европейское человечество (и Россия, если она к нему присоединится) с сокращающейся долей в населении, мировом ВВП, технологии и т.д. станет справляться с продвижением и давлением этих сообществ, государств и народов, когда одни только выходы Северной Кореи или атаки исламистов отзываются в мировой политике острой головной болью?

Сохранит ли Европа собственную этническую, политическую, социальную идентичность? Она уже сейчас стала ареной нарастающей миграции. Феноменальный рост миграции из менее развитых стран в высокоразвитые — производное от мирового демографического взрыва. Видный российский демограф Анатолий Вишневский фиксирует два момента, которые особенно важны для нашего сюжета. Во-первых, за четверть века, в 1990—2015 гг., численность населения Европы практически стабилизировалась, тогда как за то же время в Африке оно увеличилось на 88%. Величина миграционного потока из Африки в Европу (преимущественно в страны ЕС) сопоставима и с приростом населения в Африке, и с числом африканцев, ранее нашедших пристанище в Европе. Миграционный поток (не только из Африки), на пути которого европейские политики обещают своим избирателям поставить преграды, остановить невозможно, как не удастся справиться с его последствиями.

Во-вторых, дело не только в количестве, но и в качестве этого наплыва. Размывается однородность (относительная, конечно) европейского цивилизационного социума у себя дома, сдвигается баланс между разными культурными сообществами. Причем мигранты поселяются преимущественно в маргинальной среде европейских городов. Их молодежь по своим представлениям и устремлениям — благодатная среда для восприятия квазимарксистских, исламистских и иных агрессивных верований. Идет накопление горючего материала, представляющего громадную опасность для стабильности европейских обществ. Не меньшую угрозу представляет ответная реакция правых, националистических, расистских сил среди коренного населения [11]. Не следует ли предположить, что проблема, для разрешения которой предпринимались пока паллиативные меры, будет обостряться и высвечиваться новыми, возможно,

неожиданными гранями? А ведь миграция из сопредельных пока стран, отношение к которой раскалывает европейские общества, – не единственный вызов, радикального ответа на который у Европы нет.

Проблемы Европы сейчас неразрывны с судьбой Европейского союза. Процесс европейской интеграции, скромное начало которому было положено в первые послевоенные десятилетия, шел, несмотря на испытания и откаты, вперед, распространялся вширь и вглубь. Он вызывал подражания в других регионах земного шара, но в то же время воздвигал перед европейскими политиками и избирателями проблемы, которые разрастались и усложнялись. Усиливались центробежные тенденции. Новые вызовы бросил Брекзит. Движения евроскептиков заявили о себе во многих странах. Мировые медиа то и дело взрывают сенсации о предстоящем распаде ЕС. Вероятно, процесс европейской интеграции укоренился настолько, что опрокинуть его не удастся. Но за оппонирующими силами стоят политически оформившиеся интересы.

Кризис ЕС – реальность сегодняшнего дня, пренебрегать которой неразумно. Трудно понять, например, каким образом Балинту Мадьяру удастся совместить беспощадный анализ посткоммунистического мафиозного режима с его же ободряющим прогнозом недалекого будущего в Венгрии⁶. Необходимо искать неординарные решения тревожных проблем. Никто не знает, например, как совместить движение к объединенной Европе с укорененными традициями национально-государственного суверенитета, приверженцы которого то и дело переходят в контратаки. Противоречие это, вероятно, станет накаляться и в России, которую хронически трясут приступы “суверенного” провинциализма.

ДОРОГА В НИКУДА

Экономический рост в России возобновился было после 2000 г. В известной мере это было связано с перестройкой экономики, но главным образом – с благоприятной для России конъюнктурой мирового рынка. Страна стала получать резко возросшую нефтегазовую ренту, за счет которой государство смогло выполнять свои обязательства перед населением в рамках неформального социального контракта: “мы вам сытость, вы нам

⁶ “Мафиозное государство, – завершает М. Балинт свою книгу, – разоблачено, самое большое – утратило свою привлекательность. Но!... далее последуют эрозия, агония, затем крах...” [8, с. 358].

неограниченные полномочия”. Правда, ни один из заявленных властями проектов (вдвое увеличить ВВП, перегнать Португалию по уровню душевого дохода и т.п.) выполнить не удалось. А с 2014 г. все экономические и социальные показатели – от реальных доходов до обменных курсов и самооценок благосостояния населением – стали ухудшаться. «Народ загнали в стойло, в котором заканчивается корм. А выпустить его на “вольные хлеба” боязно... Не для того властная вертикаль брала все независимые источники дохода под контроль, чтобы затем разом его утратить», – пишут петербургские авторы. А на поддержку ведущих экономик мира Россия при сложившихся отношениях рассчитывать не может [1, сс. 212-213].

Многие исследователи приходят к заключению, что фундамент, на котором зиждились видимые улучшения в экономике страны в начале XXI в., начинает рассыпаться. Это верно. Важно, правда, понять, что ухудшение показателей в пределах нескольких процентных пунктов автоматически не ведет к обострению социальной ситуации. Хуже то, что проекты реформ, которые помогли бы решать задачи “узкой модернизации”, не решают возникающие разнообразные проблемы. Возможности *policy* скованы ядром системы *politics*. Механизм реформы запустить не удастся: недостижимы оказываются не только демократические, но и авторитарные преобразования. Тем не менее и их неуспех пока не таков, чтобы приближение угрозы дышало в затылок управителям системы. Наконец, и в размывании социального контракта с населением власть не видит серьезной опасности: положение уравнивается компенсаторными факторами в политике и идеологии – в первую очередь образом врага, будто бы угрожающего существованию и достоинству России, и рядом побед, которые одну за другой власть как будто одерживает в международной политике: над “бандеровцами”, бесчинствующими в Украине, над исламистами, ущемляющими наши национальные интересы в Сирии, и над вековым врагом – Соединенными Штатами.

Параллельно, не пересекаясь, текут два потока информации, которые при желании и интересе можно почерпнуть в медиа и социальных сетях. С одной стороны, достаточно обратиться, например, к публикациям известного социолога и экономиста Е. Гонтмахера, где автор показывает, что доля бедных в России не 13% (данные Госстата), а как минимум 25 или даже 41%. А раз так – значительная доля населения страны не может вырваться из постоянного аутсайдерства и, следовательно,

апатии и депрессии⁷. Материалов подобного рода очень много. С другой стороны, пропагандно-официальная риторика о достижениях и перспективах (разумеется, захватывающих) изливается по всем каналам отечественного ТВ. Люди не задумываются над тем, что обострившаяся ситуация и трудности, которые им приходится переживать, рукотворны. В массовом же сознании доминирует мантра: мы за ценой не постоим. Так героинку Отечественной войны приспособливают к обслуживанию чужих интересов.

Путь, по которому ведут Россию, не просто тупиковый. Он опасен, потому что на нем могут встретиться внутренние или внешние испытания еще до того, как режим утратит запас прочности, которым он, видимо, пока располагает. Но он едва ли сумеет выдержать сверхнормативные напряжения, как не смогла с ними справиться советская власть на своем изломе. Создается впечатление, что лидеры существующего режима недооценивают реальные опасности и переоценивают признаки, которые они принимают за успехи своего курса. Петербургские авторы завершают свое исследование на том, что дальнейшая перспектива неясна. Ибо «ключевую роль здесь играют укorenившиеся институты, которые выживают через собственные трансформации и воспроизводят внеправовую среду в качестве наиболее комфортного для себя политико-экономического климата». А без гражданских прав «о модернизации говорить бесполезно». Бизнес в России не является самостоятельным игроком и, «поглощенный стратегией выживания, приспособления... не способен на организованное сопротивление», он «может только мечтать о своей *Magna Carta*». А «политическая элита и ее ядро — силовики — будут отстаивать сложившуюся в России в начале XXI в. систему управления до последней возможности».

Поэтому если «выход России из нынешнего институционального тупика все же возможен», то «только при условии, что обрушатся стоящие вокруг здания нынешнего политико-экономического порядка». Но, во-первых, эти здания «не так непрочны, как порой кажутся». Во-вторых, разрушение этого порядка — еще «не гарантия становления новых институтов»: после его разрушения российское общество может не уцелеть [1, сс. 257, 264-265, 269-272]. Не знаю, разделяют ли достаточно безрадостную перспективу, нарисованную так автором последней главы его соавторы. Но слово

⁷ Вывод Е. Гонтмахера: «Надо приступить к решительному разгосударствлению нашей жизни... А это возможно только при радикальной трансформации всей нашей политической системы» [12].

сказано и обойти его нельзя. Кроме того, в этом анализе опущена третья сила — российское общество. Оно пока довольно бессильно и опьянено иллюзиями, причудливыми верованиями. На вопрос социологов Левада-центра «Как вы думаете, является ли Россия сегодня великой державой?» в 1999 г. с той или иной степенью определенности положительно отвечали 48% респондентов, отрицательно — тоже 48. А в конце 2017 г. — 67 и 26% соответственно [13]. Поэтому были, конечно, основания пока что обойти независимое участие народных сил в процессе перемен. Трудно сказать, однако, как это будет впредь⁸.

Но представляются весьма актуальными опасения и другой угрозы — российской революции, разрушающей, а не трансформирующей существующий порядок. Она ведь уже отбросила в начале прошлого столетия нашу страну почти на век назад. И в этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на недавно опубликованные соображения, которые Михаил Гефтер успел высказать на исходе 1994 г., в начале событий, которые тогда казались завершающими русский XX век, и в самом конце собственного жизненного пути. Мысли Гефтера — о неоднозначности революций, об опасности *неостановленной* революции. Опасности, которая все еще не вполне, по его мнению, осознана. «Некоторым даже знание истории идет во вред... Истинная проблема сегодня не в коммуне и не в войне, а в *неисключенности катастрофы*... Интеллигенция страшно далека от того, чтобы это понять. Мы неслыханно примитивно к себе отнеслись. В который раз беремся завести в России государство без общества!.. Образ врага — это еще и человеческое желание верить... Если не ввести людей в русло чего-то вдохновляющего, их вдохновит образ врага. Вот серьезный вопрос, действительно связанный с опасностью фашизма. Фашизм нельзя представлять как примитивную вещь, он отвечает человеческим наклонностям. Вы их не удовлетворяете? Тогда фашизм их удовлетворит... Сталинизм и фашизм утилизировали потребность человека во вдохновении!» [15, сс. 170, 178-180]. И тогда среди возможных напастей — «неведомые времена, невиданные бунты». Вот на такой переключке ученых разного времени, разных школ и разных поколений приходится заканчивать эту статью...

⁸ Один из наиболее информированных наблюдателей, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, выступая в Институте Кеннана в Вашингтоне в январе 2018 г., говорил: «Я думаю, что следующие протесты будут все-таки за свободу, а не за кусок хлеба. У меня кусок хлеба есть, мне здесь судить довольно трудно. Но социальных выступлений мало. И лозунгов мало. И левые даже поднять их не могут на это. Такая история» [14].

Анализ российского пути завершен. Или, точнее, будет дальше – никто не знает. Но в памяти всплывает предупреждение, начертанное на надорванном плакате, который треплет ветер на безлюдной улице в зловещем финале фантазийного американского фильма: “Еще есть время, люди!”

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. *Российский путь: Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии*. Санкт-Петербург, Издательство Европейского университета в СПб., 2017. 302 с. [Travin D., Gel'man V., Zaostrovstsev A. *Rossiiskii put': Idei. Interesy. Instituty. Illyuzii* [The Russian Way: Ideas. Interests. Institutions. Illusions]. Saint Petersburg, EUSP Publishing House, 2017. 302 p.]
2. Яковлев А. *Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое*. Москва, Международный фонд “Демократия”, 2008. 872 с. [Yakovlev A. *Perestroika: 1985–1991. Neizdannoe, maloizvestnoe, zabytie* [Yakovlev A. Restructuring: 1985–1991. Unreleased, Little-known, Forgotten]. Moscow, International Fund “Democracy”, 2008. 872 p.]
3. Яковлев А. *Омут памяти*, Москва, Вагриус, 2000. 605 с. [Yakovlev A., *Omut pamyati* [The Memory Vortex]. Moscow, Vagrius, 2000, 605 p.]
4. Ключевский В. О. *Сочинения*. Москва, Мысль, 1987–1990. Т. 9. 414 с. [Klyuchevskii V. O. *Sochineniya* [Collected Works]. Moscow, Mysl', 1987–1990. Vol. 9. 414 p.]
5. Розов Н. С. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. Москва, РОССПЭН, 2011. 735 с. [Rozov N. S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Russian Macrosociological Base Strategies in the XXI Century]. Moscow, ROSSPEN, 2011. 735 p.]
6. Явлинский Г. А. *Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия*. Москва, Медиум, 2015. 230 с. [Yavlinskii G. A. *Periferiyniy avtoritarizm. Kak i kuda prishla Rossiya* [Peripheral Authoritarianism. Where Russia Is Now and How She Got There]. Moscow, Medium, 2015. 230 p.]
7. Пивоваров Ю. С. *Русское настоящее и советское прошлое*. Москва, Центр гуманитарных инициатив; Санкт-Петербург, Университетская книга, 2014. 336 с. [Pivovarov Yu. S. *Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe* [Russian Present and Soviet Past]. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives; Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University Publishing House, 2014. 336 p.]
8. Мадьяр Балинт. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*. Москва, Новое литературное обозрение, 2016. 392 с. [Balint Mad'yar. *Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva. Na primere Vengrii* [Anatomy of Post-communist Mafia State. On the Example of Hungary]. Moscow, New Literary Review, 2016. 392 p.]
9. Баткин Л. М. Стать Европой. *Век XX и мир*, 1988, № 8, сс. 30-35. [Batkin L. M. Stat' Evropoi [Become Europe]. *Century XX and Peace*, 1988, no. 8, pp. 30-35.]
10. Гефтер М. А. *Из тех и этих лет*. Москва, Прогресс, 1991. 484 с. [Gefter M. Ya. *Iz tekh i etikh let* [From those and these years]. Moscow, Progress, 1991. 484 p.]
11. Вишневецкий А. Г. Чем опасен глобальный миграционный переход. *Независимая газета*, 23.01.2018. [Vishnevskii A. G. Chem opasen global'nyi migratsionnyi perekhod [What Is Dangerous the Global Migration Transition]. *Nezavisimaya gazeta*, 23.01.2018.]
12. Гонтмахер Е. Ш. *Массовая бедность в России угрожает существованию страны*. [Gontmakher E. Sh. *Massovaya bednost' v Rossii ugrozhaet sushchestvovaniyu strany* [Mass Poverty in Russia Threatens the Existence of the Country]] Available at: <https://echo.msk.ru/blog/gontmaher/2132540-echo/> (accessed 19.02.2018).
13. Тощенко Ж. Т. Общества травмы. *Независимая газета*, 23.01.2018. [Toshchenko Zh. T. Obshchestva travmy [Trauma Societies]. *Nezavisimaya gazeta*, 23.01.2018. Available at: http://www.ng.ru/stsenarii/2018-01-23/9_7156_society.html?print=Y (accessed 19.02.2018).
14. *Выступление А. Венедиктова в Институте им. Кеннана (Вашингтон) 19 января 2018 г.* [Alexei Venediktov's Statement at the Kennan Institute (Washington), January 19, 2018 (In Russ.)] Available at: <https://echo.msk.ru/blog/2131890-echo> (accessed 19.02.2018).
15. Павловский Г. О., Гефтер М. Я. *Неостановленная революция 1917. 100 лет в ста фрагментах*. Москва, Европа, 2017. 224 с. [Pavlovskii G. O., Gefter M. Ya. *Neostanovlennaya revolyutsiya 1917. 100 let v sta fragmentakh* [1917. The Revolution That Has Not Stopped. A Hundred Years in a Hundred Fragments]. Moscow, Europe, 2017. 224 p.]

MISLEADING PATHWAY*(World Economy and International Relations, 2018, vol. 62, no. 6, pp. 56-66)**Received 24.01.2018.**Viktor L. SHEINIS (sheynis31@gmail.com),**Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

It is long enough since the end of the “Russian 20th century” – Russia’s withdrawal from the communist formation – for thorough understanding and arguing on what economic and social order it has finally come to. Books are being published, serious articles appear, round-tables are being held. Different opinions collide. Re-evaluation of views and values is going on. For many people, these past decades are peculiar, familiar, aching, experienced. One of the latest published books is a collective work of three well-known scientists, employees of the European University at Saint Petersburg, a merited research center. The authors of the book – Dmitrii Travin, Vladimir Gel'man and Andrei Zaoztrovsev – have introduced a thorough and distinctive analysis of problems which emerged and were left unsold on the path traveled, and of the pathway itself that does not fit into the concept of the final stage of world transit to the market and democracy. Their views and conclusions echo closely to perceptions of other eminent scientists and parties involved in the events: Aleksandr Yakovlev, Grigorii Yavlinskii, Yurii Pivovarov, Anatolii Vishnevskii, Mikhail Gefter et al. This article represents an interchange of researchers’ views on open problems of the modern Russia’s path which is not yet traveled. In particular, these are specifically compiled elements of the path where reforms were implemented: ideas, interests, institutions, illusions; the main historical curve on the way – a pivot from the communist regime to a new authoritarianism; a fundamental difference between policy u politics disappearing in Russian translation; political and economic phenomenon of power ownership; collision between the European development pathway and the “Eurasian pathway” mythologema, etc. The concluding subject comprises unobvious perspectives of tomorrow: depletion of resources of an unshaped social contract between power and population; a danger of restoration process – the dead end of development; limited social and political capacities of returning to the reform path; collapse of economic system, large-scale crisis of state and society, etc.

Keywords: historical pathway of Russia, European pathway, authoritarianism for progress, aggressive stagnant authoritarianism, stagnant authoritarianism, power ownership, triad (reform, revolution, restoration), policy vs. politics, European University at Saint Petersburg.

*About author:**Viktor L. SHEINIS, Doctor of Economics, Principal Researcher.***DOI:** 10.20542/0131-2227-2018-62-6-56-66